

Логика Гегеля как материально-понятийная структурная теория значения

Пирмин Штекелер-Вайтхофер

Лейпцигский университет, Германия, stekeler@uni-leipzig.de.

Ключевые слова: Георг Вильгельм Фридрих Гегель; «Наука логики»; метафизика; речевые акты; понятийное содержание; концептуальная схема; материально-понятийное умозаключение; абсолютная идея.

Статья представляет собой анализ основных логических категорий в системе Гегеля с точки зрения современной формальной логики и аналитической философии языка. Гегель рассматривается как радикальный продолжатель критической философии Канта, который развивает его критическую тенденцию. Логика Гегеля предстает как метафизика и семантика, поскольку дает анализ логической формы общих категорий и конституции локальных областей речи. Рассматриваются вопросы о субъективности каждого суждения, о конституции или пред-устройстве сортовых предметных областей и вопрос об инференциальном смысле-определении предикатов в логическом пространстве рассуждения. Речевые акты всегда единичные действия и артикулируются индивидом. Содержание высказывания конституируется за счет внутренних родовых различий, выражающихся в виде суждений бесконечного отри-

цания и определенного отрицания. Для некоторых речевых ситуаций недостаточно только очертить род и выделить его генерические свойства, но требуется также содержательно определить различия индивидов. Смысл предикатов определяется инференциально, то есть через систему вывода в рамках системы высказываний. Форма вывода определяется чисто логически или синтаксически, для конкретного случая высказываний об индивидах требуется содержательное знание, то есть пред-знание и способность суждения. Система науки — это сеть материально-понятийных истин как синтетических суждений *a priori*. Гегелевское понятие «идея» это обозначение адекватных форм теории и совместного праксиса, включающих формы оценки генерических суждений как правильных или истинных для ориентирования. Поэтому идея в сущности есть то же самое, что и личная форма жизни человека.

I. Критическая философия начинается с воззрения (Einsicht) в проблемы логической конституции областей речи и суждения

ВОЗМОЖНО, что ключ к философии Гегеля еще не найден. Возможно, что мы еще не понимаем, в какой степени его метафизика есть логика и также насколько его так называемая реальная философия должна быть прочитана как анализ логической формы локальных областей речи (*Redebereich*). В пользу существования этого недостатка говорит не только слишком большой разброс предложенных интерпретаций, но также и отчаяние, в которое попадают лучшие исследователи трудов Гегеля, прежде всего ввиду их диагноза онтологически-онтического характера гегелевской метафизики¹. Ни один человек не знает, что должна означать эта так называемая метафизика духа. Те, кто вместе с Фейербахом или Марксом понимают гегелевское употребление слова «дух» так, как если бы он говорил о подобной призрак-у сущности, не понимают даже, о чем идет речь. При этом они, без понимания того, о чем собственно идет речь, интересным образом добавляют, что позиция Гегеля сегодня уже неприемлема. Пожалуй очевидно, что здесь явно присутствует проблема способа прочтения. В любом случае при этом гегелевские размышления и аргументы понимаются не как радикальное продолжение критической философии Канта, но как отход от критицизма и возврат к метафизической философии или философии догматического убеждения.

Иной вид отчаяния являет себя в агрессивной защите [прочтения философии Гегеля как] онтической метафизики. Такая мета-

Перевод с английского Дениса Маслова по изданию: © *Stekeler-Weithofer P.* Hegels Logik als materialbegriffliche Strukturtheorie der Bedeutung // Hegel — 200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung “200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik”, Weimar, 26–29 September 2012 / A. F. Koch et al. (Hg.). Hamburg: Meiner, 2014. S. 339–357. Публикуется с любезного разрешения автора и издательства.

1. Например, это относится к Герберту Шнедельбаху, но также в определенном смысле к Рольфу-Петеру Хорстманну и даже к Людвигу Зипу и их работам.

физика пользуется определенной популярностью, причем Гегель охотно привлекается как ее покровитель наряду с Аристотелем. К сожалению и в этом случае неизвестно, во что при этом верят говорящие это. Обе установки по отношению к метафизике Гегеля — критическая и апологетическая — вызывают сомнения уже на уровне их предпосылок. Сомнительно уже то, были ли вообще поняты метафизика Аристотеля и предшествующая ей теория идей Платона, если был упущен их понятийно-логический смысл. По-настоящему большой вопрос состоит в том, каким образом Гегель примыкает к этим теориям.

Вообще следует прежде ответить на вопрос, является ли гегелевская критика критицистского автономизма и тем самым идеалистического субъективизма кантовской философии абсолютно необходимой. Более того, критика Гегеля может представлять единственную возможность спасти взгляды (*Einsichten*) Канта от его собственного понимания себя и собственных комментариев к себе. В таком случае все движение «назад к Канту» через Германа Когена и неокантианство, находящуюся под влиянием Карла-Отто Апеля новую Франкфуртскую школу после Юргена Хабермаса, упустило бы не только существенные промахи и недостатки кантовской теоретической философии и логики и, более того, практической философии, но и не осмыслило бы гегелевскую логическую критику в ее форме. Напротив, оживление Канта в англо-саксонской философии после Питера Стросона еще едва ли прорвалось к Гегелю, за редкими исключениями в начинаниях Роберта Брэндома, Терри Пинкарда и Роберта Пиппина. Причиной этому является прежде всего то обстоятельство, что Гегель недооценивается как логик (что верно уже для «Феноменологии духа»), а также потому что не было услышано его собственное высказывание, гласящее, что подлинная метафизика это логика.

Я назову только некоторые проблемы, которые Гегель распознает у Канта. Наиболее значительная из всех затрагивает субъективность всякого притязания на познание и всякой нормативной оценки. Это верно (*gilt für*)² также для пространства истинного в рефлексивном суждении формы «это высказывание (принадлежащее *N.N.*) истинно» или также «я знаю, что *p*»,

2. Здесь и далее мы будем передавать выражение (*es*) *gilt für* (сущ. *Geltung*), передающее нормативную значимость, действительность какого-либо положения или валидность, с помощью выражения «это верно для/ в отношении». Иными словами, это фактически признанная норма. — Прим. пер.

которое, как известно, может артикулироваться всегда только с помощью уверения. Это верно в отношении к области бла-га в рефлексивном суждении формы «действие (такого-то *N. N.* в этой ситуации) — хорошо (или морально, или с правовой точки зрения допустимо, или надлежащее или запрещённое)». К этому прибавляется неясность в кантовской речи о вещи (рассмотренной самой) по себе или ноуменальном *mundus intelligibilis*, как следствие недостаточной рефлексии о том, что вообще может означать и в действительности означает логическое выражение *an sich*, по-гречески *kath'auto*, по-латински *per se*. Что оно точно не может означать, так это то, что мы не можем рассматривать вещь (*Ding*) и в то же время актом абстрагирования отмыслить (*wegabstrahieren*) любую форму рассмотрения из её понятия, то есть говорить о ней так, как если бы она вообще не рассматривалась. То же самое верно и для мышления: не существует ни одного предмета мышления, не существует также и ни одного референта языкового референциального выражения (*einer sprachlichen Bezugnahme*), который бы не был бы вместе с тем определен мышлением или актом референции. Уже сама речь о вещи по себе как пограничном понятии неясна и вводит в заблуждение, однако он [Кант] уже подразумевает границу между тем, что мы можем и не можем знать, но что тем не менее могло бы существовать. Тем самым вместе ним мы восстанавливаем трансценденцию и трансцендентную веру, которую критика знания и чистого разума хотела и должна была преодолеть.

Поэтому дело обстоит не так, как это по меньшей мере подразумевает любое эпистемологическое прочтение Канта, а именно, что восприятие и мышление есть лишь две субъективные формы нашего доступа к вещам, так что мы никогда не можем знать, чем являются вещи сами по себе. Скорее уже представление о вещи самой по себе и вместе с тем кантовская форма речи «по себе» (*das Ansich*) в целом внутренне противоречивы, если ее не интерпретируют как только комментаторскую речь со стороны. Потому что вещь по себе совершенно не может быть определена как только лишь вещь или также предмет осмысленной речи. Абстрактор «по себе» есть тем самым вид негатора или аннигилятора. Вещь по себе это просто ничто. Однако для лучшего понимания важно посмотреть на действие такого аннигилирующего абстрактора. Если мы отнимем у предмета все его отношения, и если даже лишь его отношения к нам, то тем самым мы уничтожаем предмет как предмет.

Рассмотрим случай чистых чисел, чтобы с помощью по меньшей мере одной аналогии прояснить, почему гегелевское, отчасти восходящее к Канту и тем не менее с точки зрения критики смысла далеко превосходящее его идеи воззрение полностью правильно, а именно, что только лишь мнимые эпистемические отношения восприятия и мышления сами принадлежат к конституции предметов. В них порядок числовых выражений очевидно и существенно принадлежит к определению их референции. Это значит, что некий термин может быть числовым термином только в том случае, если закреплен его порядок по отношению ко всем остальным числовым терминам. Отношение, согласно которому одно число n больше чем другое чисто m , не является *внешним* или *дополнительным* между двумя предметами, прежде определенными независимо от этого отношения, но это отношение само *определяет сущность* и поэтому оно необходимо для возможности принятия этих предметов как определенных в их сущности вообще. Например нельзя доказать для базовых числовых терминов, что $5 < 6$, однако это свойство принадлежит к определению (*Bestimmung*)³ их значения.

Аналогичным образом к определению сущностным образом относится то, что имя предмета N отсылает нас к некоей вещи вообще, для которой была закреплена эпистемическая норма употребления, определяющая правильный способ отсылки к некоему предмету с помощью термина N . Поэтому наши нормы осуществления [актов] референции и нормативной значимости систематически предшествуют любому притязанию на познание. Соответственно, с одной стороны нужно радикально проводить различие, радикальнее, чем это признает Кант, между нашим определяющим закреплением универсальной нормативной значимости, которое как таковое *a priori* или понятийно предшествует (например, эмпирическому) единичному притязанию на познание, и с другой стороны каждый раз субъективным утверждением и подверженному ошибкам контролем единичного эпистемического притязания единичных личностей.

3. Следует различать между терминами *Bestimmung* и *Definition*, которые в русском языке передаются как «определение». Первое относится к некоей характеристике, влияющей на содержание и объем (интенционал и экстенционал) термина/ понятия, а второй составляет дефиницию как определение, выражающее конститутивные черты или конвенционально закрепляющей некое значение термина. Для различения этих терминов мы используем соответственно «определение» и «дефиниция». — *Прим. пер.*

Следующая проблема это древний, восходящий к гениальному анализу Платона и между тем к сожалению укрепившийся до пред-рассудка (*Vor-Urteil*) образ логики, который до сих пор накладывает отпечаток на формальную логику, несмотря на небольшую реформу, проведенную Готтлобом Фреге. Согласно этому образу, в соответствии с основной формой высказывания, артикулированного в предложениях, «*N* есть *P*» все время *что-то говорится о чем-то*: *ti kata tinos*, как выражается Аристотель и поясняет это с помощью следующих выражений: «простой или сложный предикат *P* присоединяется именем к предмету, названному *N*» или «[именем] *N* названный предмет подпадает под предикат *P* или в определенный с помощью *P* объем (*Extension*) или класс предметов». Самое позднее уже со времен Гомера, а не только со времени Фреге и формально-аналитической философии, было известно, что *ti kata tinos* имеет значение только лишь для осмысленных *единичных терминов* с корректно дефинированной референцией как «Одиссей» или «лев Джонатан», но не для «никто» или других выражений подлежащего *N*, которые следует читать как кванторы, как например «какой-то лев» или «каждый лев». Особняком стоят генерические случаи употребления определенного артикля в предложениях типа: «лев это животное пустыни» (*der Löwe ist ein Wüstentier*). В сущности, Фреге разъясняет нам лишь более красиво и ясно чем традиция, например логика Пор-Рояля и тем самым кантовская логика, как функционируют кванторы в техническом языке, а именно в логике подстановок (*substitutionslogisch*). Однако он предполагает, как и эта традиция, что в так называемых *элементарных предложениях* единичные имена *N* уже именуют предметы в сортовых предметных областях. Такие предметные области суть так называемые высшие роды или *genera G*, в которых уравнения и неравенства уже определены для предметов. Элементарные отношения наподобие $x < y$ или $x + y = z$ и с ними также формально-логически сложные, то есть одноместные предикаты, образованные с помощью логических слов «не» или « $\neg$ », «и» или « $\&$ » и «для всех x » или « $\forall x$ », определяют в таком *genus* подмножества (*Teilengen*), например роды или виды, в первую очередь чисто экстенционально. При этом логика предикатов Фреге, на что указывает уже ее название, является в сущности только учением о дефинициях для логически сложных предикатов — и не более того. Выражаясь технически, такой предикат имеет форму $\lambda x A(x)$, причем $A(x)$ возникает из какого-либо простого или логически сложного предложения $A(N)$, так что имя *N* заменяется через переменную x в одном или многих местах. А может

иметь при этом например форму $B \in C$ или $\neg B$ или $\forall y B(y)$. Применение предиката к предмету g с именем N в подходящей предметной области G является при этом просто определенным через формальную предикативную подстановку, то есть с помощью правила $N \in \lambda x A(x) \equiv A(N)$.

Гегель заметил, что ни в коем случае не все предложения и высказывания, как предложения и высказывания о сортовых областях G такого рода, являются понятными, что центральная логическая проблема состоит в следующем: как с точки зрения дефиниций устроена такая предметная область (род — *genus*) с её уравнениями, неравенствами, классификациями и высказываниями? Кстати, об этой проблеме догадывался также и Фреге. Когда мы говорим о смысле некоторого обозначения, мы также мало говорим о предмете, как когда мы говорим о понятии или функции. Они становятся предметами только тогда, когда в формальной абстракции мы вводим принадлежащие к ним отношения безразличия между репрезентациями одинаковых абстрактных предметов. Однако далеко не во всех случаях это необходимо для применения имяподобных выражений, если только известно, что их применение, как например в нашей речи о боге или духе, еще *ни в коем случае не предполагает*, что мы говорим о некой *сущности* (*Entität*). Предпосылка, что любое имяподобное выражение именуют некую *сущность*, покоится на далеком от языка суеверии. Хотя здесь верен важный принцип Уилларда Ван Ормана Куайна: *no entity without identity* (нет сущности без идентичности), однако это верно для правильным образом конституированных сортовых предметных областей. Это неверно для всех употреблений синтаксиса наших субъектно-предикатных предложений с их именами, словами отношений или процессуальными выражениями. Ведь многие имена суть лишь именующие [тематические] слова для обозначения (*Titelwörter*). Они именуют предметы в смысле темы, а не в смысле сущностей. Это верно для таких выражений, как «воля», также как и для любви, для речи о душе, также как речи о сознании или самосознании, для речи о Я и Мы.

Как мало тривиален вопрос о конституции (реляционных) предметных областей с равенством, которое необходимо, когда должно говорить о предметах в смысле сущностей и когда при этом мы желаем говорить о вещах в мире, становится видно по тому, что уже для телесных вещей не дефинирована сверхвременная идентичность. Все вещи возникают и погибают. Поэтому в их отношении неверен тезис: «из ничего ничто не возникает». Скорее верно: все, что возникает, возникает из чего-либо катего-

риально другого, то есть из чего-то, что не есть уже вещь в том же самом сортальном смысле.

Люди и высшие организмы — единственные ин-дивиды или а-томы, которые существуют в мире некоторое время, то есть в течение эпохи или заключенного в скобки времени их существования. Только их нельзя делить на части, так чтобы как минимум одна часть не существовала далее в правильной форме, а именно как живое существо. Это не эмпирическая, а понятийная истина, если мы понятийно постигаем (*begreifen*), что эмпирия есть нарративная *historia* о единичной [сущности], что однако при этом концептуальное имеет всеобщую значимость. Тем самым становится ясно, что за пределами чистых чисел и чистых множеств высшей арифметики или так называемой теории множеств, устроенных нами самими чисто искусственно как сортальной предметной области, всю речь об областях атомарных индивидов следует в сущности понимать *аналогически*. Эти логические антропоморфизмы, вплоть до физикалистской теории атомов, едва ли были замечены кем-то кроме Гегеля.

Следует рассмотреть подробнее уже названные три большие логические проблемы теоретической философии, во-первых вопрос о субъективности каждого суждения, во-вторых вопрос о конституции или пред-устройстве сортальных предметных областей и в-третьих вопрос об инференциальном определении смысла (*Sinnbestimmung*) предикатов. Последний получает особенную значимость при рассмотрении отношений между классификацией и диспозицией, между сортировкой и ожидаемым поведением или действием вещей, то есть логически заботится также о глаголах, а не только лишь прилагательных.

II. Субъективность актов суждения проистекает из перформативности каждого его исполнения (*Vollzug*)

Центральное наблюдение гласит: любое высказывание формы «я знаю, что р» в сущности равнозначно высказыванию «я уверен (*gewiss*) в том, что р». Оно является не приписыванием знания самому себе, а выражением убеждения, заверения. Согласно моему прочтению, собственное и изначальное воззрение Фихте состоит в распознавании перформативности высказывания о себе и самосознания.

Возможно, что мы только тогда лучше поймем значение начинания Фихте и его продолжения Гегелем в его размышлениях

о суждениях о мире и о нас самих, когда мы обратим внимание на такого рода проблемы и особенно на сопутствующие проблемы артикуляции. Потому что фихтевская тавтологическая формула «Я=Я» не может достаточно прояснить логическую структуру, которую она была призвана прояснить. Однако в следующем нельзя усомниться: уже Фихте (и вслед за ним Гегель) знал, что высказывания о себе или суждения о себе по форме «я-ф» в то же время вместе с тем всегда выразительно, декларативно или аппелятивно выражают и *признание*, что ф относится ко мне. Поэтому формула Фихте представляет собой первую, возможно беспомощную, попытку изложить и прояснить структуру высказывания о себе или категории самосознания $\vdash \text{я } \varphi(\text{я})$. Поэтому непонимание и насмешка, которые Фихте при этом заработал (в том числе и от Шиллера и Гёте) совершенно несправедливы.

Так, например, Фихте пытается выразить важную логическую мысль с помощью формулы «Я=не-Я», а именно что *предмет речи*, которому я приписываю свойство, когда я говорю что-то о самом себе, есть *по себе* нечто другое, нежели я *есть* в действии (*Vollzug*) и жизни сам для себя. Чтобы формально выразить акт установления равенства между тем, кто я есть, и предметом моего высказывания о себе, Фихте попытался развить краткую запись «Я=(Я=Я)». Первая часть уравнения «Я=...» следует соответственно прочитывать перформативно, она представляла бы $\vdash \text{я}$, для чего Фреге как известно использовал символ $\vdash$. Этот знак выражает предложение «я говорю, что...». Соответственно, в высказывании о себе я говорю про себя, что я, характеризующий и обозначающий себя так-то и так-то, как референт этого самообозначения по себе, то есть в общем, при применении генерического высказывания, есть тот же, кто я есть для себя, то есть при осуществлении действия. Именно это выражает мой отход от фреговской формы выражения в выражении $\vdash \text{я } \varphi(\text{я})$, или должно выражать это, когда она читается так, как я ее объяснил и как хочу чтобы ее понимали.

Дело обстоит даже таким образом, что любое высказывание $\vdash \varphi$ в сущности есть $\vdash \text{я } \varphi^*(\text{я})$, и даже когда мы рефлектируем о самом процессе высказывания и эксплицируем перформативность в высказывании, то есть к предложению φ образует соответствующее предложение φ^* вида «я отстаиваю истину или правильность φ ». Гегелевская формула «истиной сознания является самосознание» артикулирует при этом именно тот факт, что из любого высказывания о φ логически следует также высказывание формы «я знаю, что φ ». Разумеется, в таком случае это высказы-

вание «я знаю, что ϕ », несмотря на явно сделанное заверение, говорит не более чем заверение самого предложения ϕ , то есть высказывание «я говорю ϕ » или же просто $\vdash \phi$ (это позже заметит также и Витгенштейн). Это же верно и для формулировок «правильно, что ϕ » или « ϕ истинно», которые также неявно подразумевают говорящего и в лучшем случае представляют прежде всего перформативное подчеркивание $\vdash \phi$. Предположительная теория Фреге об излишестве истины представляет собой в итоге не что иное, чем воззрение, которое как таковое ни в коем случае не исключает, что кроме перформативных существуют и другие формы высказываний, как то предикативные по форме виды использования слова «истинный», например в выражениях, подобных «то, что он сказал (есть) истинно».

Нам необходимо всегда различать между перформативным моментом высказывания (англ. *force*) и общим моментом высказанного, содержания высказывания или коротко самим высказыванием. Содержание есть высказывание по себе (в гегелевском и тем самым в безвредном метафизическом смысле, потому что чисто логическом смысле выражения «по себе», на которое указывает общее (родовое — *das Generische*) некоторого высказывания), которое, по идее, любой слушатель должен уметь понимать наравне с говорящим, так что формальный субъект (по себе) высказывания есть так сказать (по себе) генерическое Мы или «Люди» (*das Man*)⁴. Это можно прояснить тем, что говорят: мое высказывание, что ϕ , в практическом смысле равнозначно высказыванию «можно сказать, что ϕ », или «нам можно сказать (то есть по себе и для себя), что ϕ ». Его можно при желании записать в следующей нотации: $\vdash$ говорят ϕ или $\vdash$ мы ϕ . Но поскольку также и в этом случае каждый раз я артикулирую заверение, это практически равнозначно с $\vdash \phi$ и тем самым с фрегевским $\vdash \phi$. Знаменитая формула Гегеля, что Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я, артикулирует именно это основополагающее воззрение в *кате́го́рию*, то есть базовую форму высказывания $\vdash \phi$ или $\vdash \phi(\text{я})$.

Как теперь видно, Фреге отказался от любого индекса его штриха суждения (*Urteilsstrich*) с весьма хорошим основанием — также и Витгенштейн хотел от него отказаться. Это понятно. И печально. Чтобы сделать ясно видимым факт, почему здесь

4. Это аналог безличного выражения русского языка от третьего лица. Например, «говорят, что...» в немецком языке имеет форму «*Man sagt, dass...*», субстантивированным выражением которого будет *das Man*. — Прим. пер.

можно отказаться от записи штриха суждения и индексов, он должен быть понят как *итог размышления*, которое можно артикулировать только письменно, когда, как я здесь, *прежде всего* оперируют с индексами возле штриха утверждения или же с развернутой формой «я говорю, что ф». Также и в таком случае: «можно сказать, что ф» или «я говорю о себе, что я считаю ф правильным». Это три версии универсальной формы высказывания, которые Гегель именует «категория».

Мы получаем кантовские категории только через опосредование внутренней структуры ф, именно в формах предложения «*N* есть *P*», причем *N* может быть единичным именем, квантором всеобщности или же партикуляризатором. Случай, при котором *N* следует читать генерически, при этом еще вообще не включен! Предикат *P* может тогда утверждаться, нормально отрицаться в *G* или же бесконечно отрицаться. В последнем случае *P* категорически не подходит к *N*. Помыслим предложение: «Цезарь не является простым числом». Дальнейшие формы предложений, которые рассматривает Кант, — конъюнкции и дизъюнкции, то есть *r*₁ и *r*₂ и *r*₃... или *r*₁ или *r*₂ или *r*₃... и модальные перформаторы или модальные операторы «я считаю возможным, что *r*» или же «необходимо, что *r*».

Высказывание, как и любой речевой акт, всегда есть что-то единичное. Оно артикулируется каждый раз единичным лицом (*Person*). Это верно также и тогда, когда мы вместе повторяем общие молитвы или поем в хоре. Но что же такое общее содержание высказанного?

III. Содержательное определение есть различие, отрицание

В его логических размышлениях о содержании высказываний и их связи с миром (а также об именах) Гегель опирается на предшествующие размышления Аристотеля и Спинозы: во-первых, о том, как мы можем что-то высказывать о чем-то, и во-вторых, чем вообще может быть именуемая субстанция. Аристотелевская субстанция, как мы уже видели, смоделирована согласно парадигме человека или высшего живого организма. Его идентичность и индивидуальность дана вместе с его бытием и жизнью. Это фундамент для придания имени предмету в качестве жесткого десигнатора в смысле Сола Крипке, по крайней мере на время его существования (*für die Epoche seines Seins*), например время жизни. То есть предмет можно просто *окрестить*. Однако никакие дру-

гие вещи и дела в мире не могут быть просто именованы без логического аппарата определения эпохи или заключенного в скобки времени их идентифицируемого бытия. Для знатока на это указывает уже отсылка к кораблю Тесея, чьи доски во время длительного плавания регулярно заменяются и возможно складываются в Пирее. Пример показывает, что требуется конвенция или договоренность о том, что принимать за критерий идентичности для этого корабля, старые доски или материальные части, из которых можно составить «старый» корабль как собирают старые амфоры, или же корабль в его продолжающемся использовании.

Спиноза мыслит здесь еще радикальнее. Он видит, как видел уже Гераклит (и многие другие), что единственно действительно устойчивым в мире изменений всех вещей есть весь мир. В нем и о нем происходят все реальные процессы. Тем самым существует лишь одна действительно устойчивая субстанция, весь мир. Все различия касаются моментов мира. Он, или выражаясь иначе, совокупность бытия есть единственный абсолют. К сожалению, Спиноза называет это целое, которое я здесь для лучшего понимания (и тем самым упрощая многие вещи) называю «мир», вводящим в заблуждение [термином] «природа» (*Natur*). Это так, поскольку этим подразумевается, что мир как природа как бы есть совокупный предмет нашего естествознания. Но это мир, в котором мы живем, является некоторого рода субъектом. Более того, это субъект такого рода, что мы всегда разделяем в нём природу как событие, не содержащее действия, от нашего мира как мира индивидов и совместного действия, в том числе и речевых актов или мышления. Бытие мира не тоже самое, что и множество сущего в мире — мысль, которая также стоит в центре мышления Мартина Хайдеггера, которую он однако мог бы найти у Гегеля.

Природа — это то, что совершается само собой. Мы сами есть существенная часть нашего мира, бытия. Как таковые мы не есть просто природа в смысле предмета естественных наук. Мир в осуществлении тем самым нужно очевидно понимать как некоторого рода субъект в процессе осуществления, а не только лишь как объект нашего знания. Так гласит гегелевский тезис, что абсолют, мир, нужно постигать не только лишь как субстанцию, но также как и субъект, и нас в нем.

Подобным образом всякое Мы как субъект совместного действия как таковое не тождественно с группой или множеством индивидов, доступных как предмет речи. Множества как таковые вообще не совершают действий. Да, они не могут ничего делать. Это бесконечный тезис. Это значит, что он верен по категориаль-

ным основаниям. Поскольку единственные элементарные предложения, которые определены для множеств, имеют форму элементарного отношения $x \in y$. На ее основании мы дефинируем также отношения подмножеств.

Как бы то ни было, следующее воззрение Спинозы приобретает абсолютно центральный характер. Это воззрение, что все наши определения (*Bestimmungen*) чего-либо покоятся на отличиях (*Unterscheidungen*) и все отличия на негативных разделениях: *determinatio est negatio*.

Бесконечными отрицаниями мы характеризуем при этом генерические отличия или родовые отличия. С помощью *определенных* отрицаний мы классифицируем виды *внутри* рода. Поэтому мы должны безусловно отличать конечные или определенные отрицания от разъясненных выше бесконечных или категориальных отличий. Бесконечные или категориальные отличия имеют примерно следующий вид: животные это не горы. Горы это не числа. Число 2 не является элементом числа 3. Мир не есть куча вещей⁵.

Таким образом, бесконечные отрицания всегда также артикулируют генерические или относящиеся к роду категориальные ошибки, как например предложение «мозг не мыслит» или опять-таки «Цезарь не есть простое число». Фреге в своем желании реконструкции неверно указал последнее предложение как обычное, конечное отрицание в некоем *universe of discourse* (универсум рассуждений — *прим. пер.*) речи обо всех возможных предметах имеющей значение речи (в его смысле слова значение (*Bedeutung*)). Однако это просто не может быть последовательным (*konsistent*). Более того, здесь покоится наиглубочайшая из всех ошибок Фреге: *universe of all sortal discourse* (универсум рассуждений всех чет-

5. Сам Гегель в ЭФН § 173 (GW 20, 187) совершенно верно приводит следующие предложения как примеры бесконечного суждения в приложении к единичному: «Дух не есть слон», «Лев не есть стол» и т. п., — предложения правильные, но столь же бессмысленные, как и предложения тождества: «Лев есть лев», «Дух есть дух». Эти предложения, хотя и представляют собой истину непосредственного, так называемого качественного суждения, не суть, однако, вообще суждения [поскольку мы не можем делать высказывания с их помощью, но только лишь напоминать о предпосылках определений рода, вида или же тавтологии наших дефиниций. — П. Ш.-В.)] и могут встречаться лишь в субъективном мышлении, которое может фиксировать также и неистинную абстракцию» (то есть в напоминании указанного вида. — П. Ш.-В.). (Здесь и далее ссылки приводятся по изданиям: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1; Он же. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1972; Hegel G. W. F. Gesammelte Werke. Hamburg: Meiner, 1968–. — *Прим. пер.*)

ко индивидуированных предметов — прим. пер.), универсальный род всех предметов не существует исходя из логических оснований. Такая универсальная сортовая предметная область не может быть правильно устроена (*wohlverfasst*) или построена противоречивым образом или предположена как таковая. В сущности, об этом догадывался уже Аристотель. В теории множеств это становится полностью ясно благодаря антиномии Рассела. Другими словами, высшие роды, иначе чем виды и подмножества в уже дефинированных классах, не могут быть дефинированы с помощью предикативного выделения. Именно это является воззрением Гегеля, о чем к сожалению знает слишком мало его читателей, в частности поскольку они, в отличие от Гегеля, недооценивают проблемы любой логики предметного устройства вместе с равенством или тождеством и поступают так, как если бы некие индивиды некоторым образом были бы уже пред-заданы онтически, а не определены благодаря форме нашей речи, нашей практике различения и не-различения.

Определенные отрицания (*determinate negations*) являются нормальными отличиями в уже разграниченной области, роде (*Genus*), как например львы или млекопитающие в классе животных или простые числа в классе чисел. С логической точки зрения нормальные, то есть *внутриродовые* отрицания ведут себя совершенно иначе чем бесконечные отрицания в отношении к двужаночному принципу истины *Tertium non datur*. Так обстоят дела уже потому, что в случае конечных отрицаний мы можем умозаключать следующим образом: Животное принадлежит к классу млекопитающих, если из допущения, что это не млекопитающее животное, следует противоречие. Но из бесконечного отрицания, как то, что Цезарь не является простым числом, мы не можем умозаключить к тому, что его можно делить на меньшее число. Уже Лейбниц ясно видел важность различия между конечными (определенными, внутриродовыми) и бесконечными (категориальными) отрицаниями. Фреге очевидно их недооценивал. У Канта, по меньшей мере на словах, вещи по меньшей мере немного запутаны, но это уже другая, чисто филологическая история.

IV. Отсылка к содержательно определенным вещам есть отрицание отрицания, отказ от безразличных отличий (*gleichgültige Unterscheidungen*)

Дальнейший центральный логический пункт — это понятийная зависимость любого отличия (*Unterschieds*) от процесса различе-

ния (*Unterscheiden*). Отличие есть различие (*Ein Unterschied ist eine Unterscheidung*), которое мы *можем* провести и в некоторых речевых контекстах *должны* провести совместно. То, что мы всегда отличаем как особенное, например подмножество, вид или также единичный предмет, определено как отрицание отрицания. Это значит, что этот предмет определен так, что более тонкое проведение отличий считается незначимым для соответствующего определения предмета речи и значимых предикатов. Когда мы говорим например о человеке по себе, то различие между мужчиной и женщиной (в определенном смысле) не играет никакой роли. Если мы говорим о рациональных числах, то отличие между различными дробями как возможными представителями одного и того же числа не играет роли. Это же верно и для всех высказываний о генерических предметах по себе, как например львах по себе или немцах по себе, в которых мы отвлекаемся от многих единичных параметров, как в случае речи об абстрактных объектах. Детали здесь не так важны, важно различие (*Differenz*) универсальной формы абстрактной речи о том, что имеет значение по себе, в контрасте к тому, чем нечто является *для себя* (*für sich ist*), в чистом *отношении к самому себе*.

V. Строение сортовых предметных областей предполагает определение равенства и неравенства

У Гегеля категория для-себя-бытия — это название для всех отношений xRy , для которых в отношении к релевантному равенству в предметной области G *следует* уравнение $x=y$. Так, например, отношение $mk=nl$ между целыми числами — существенное, определяющее их для-себя-бытие отношение между дробями. Поскольку верно, что из $mk=nl$ для рационального числа следует уравнение $m/n=l/k$.

Нельзя переоценить значение логических воззрений Гегеля о том, что не существует предметов речи без фиксирования для-себя-бытия [то есть индивида, конкретной партикулярии. — *Прим. пер.*] как отношения равнозначности (*Gleichgültigkeit*) для всех возможных актов представления и репрезентаций (*Präsentationen und Repräsentationen*) предмета. К сожалению, редкий читатель мог уследить за его мыслью. Его воззрение на устройство сортовых предметных областей с их индивидами и их идентичностью слишком ново для многих и по сей день. При этом очевидно, что речь идет о дальнейшем логическом развитии кантовской конституции области речи о вещах, в частности на фоне некоторых сведе-

ний из истории математики и философии, в особенности Евклида, Аристотеля и также Платона.

Все конкретные отсылки к миру есть референции по себе и для себя. Это значит, что нужно, во-первых, знать род или область речи. Нужно также знать, о чем в *общем* или *по себе* идет речь, например о кроликах вместо кроличьих хвостов или просто о прошмыгивании чего-то. Очевидна соответствующая отсылка к размышлениям Куайна по вопросу логического онтогенеза референции. Если кто-то хочет указать на конкретного кролика, нужно по меньшей мере предположить род животного или вид (именно кролик), поскольку только в таком случае определены условия идентичности для-себя-бытия предмета речи. Единичную сущность (вещь, животное) следует определять в ее особой идентичности, возможно с помощью дейксиса или [определенной] дескрипции.

VI. Смысл предиката определяется инференциально

Фреге говорит так, как если бы смысл обозначения был способом определения предмета. В случае с именем для пробега переменных (*Wertverlaufname*) смысл в его идентичности так же неопределен и тем не менее ясно дан, как и ясно дана соответствующая функция к значению истины. В случае предиката смысл — это способ определения множества предметов, которым подходит этот предикат, то есть классификация. Но здесь также совершенно не определено все то, что мы хотим усмотреть в качестве этой классификации. Однако предикаты всегда должны быть *различны* при возникновении различных классов. Смысл предиката при этом не может быть сведен к способу его классификации, как Витгенштейн отмечал еще в «Логико-философском трактате», и даже в узкой области арифметики. Предикативное *выражение* является в определенном смысле всегда также носителем инференциального содержания, как в математике, так и в речи о мире. Это значит, что мы заинтересованы в таком образом поименованных классификациях потому, что для предметов класса верно также и вытекающее из них, что из именованного класса, происходящего из предикативной формы выражения, можно сделать *умозаключение*, а именно либо для всех случаев, либо же в генерических выводах по умолчанию, либо в так называемых диспозициях, для определенных *парадигматических нормальных случаев*, или в чистых моделированиях для *идеальных случаев*.

Новейшая логика фокусируется при этом, как это необходимо происходит в математике, на универсальных или следованиях всеобщей квантификации без *какого-либо исключения*. Это фокусирование однако является для (эмпирической) речи о мире совершенно неудачным. Она чисто формалистична и поэтому слишком идеалистична. А именно, проблема касается также кантовских нереальных представлений о законченных дефиниционных различениях для всех случаев. Поскольку большинство предикативных отличий и форм умозаключения, которыми мы оперируем в языке, являются генерически-всеобщими выводами для нормального случая, так называемыми умозаключениями по умолчанию. Для их применения в единичных случаях всегда требуется также особый фильтр способности суждения и предшествующего знания. Также к этому подключается еще и диалектически-диалогическая логика, то есть *относящаяся к речевым актам* логика норм сохранения разрешений на умозаключение говорящим, относящихся сюда же обязательств по контролю и обоснованию. Таким образом, всеобщие формы вывода применяются правильно только лишь в конкретизации всеобщего через особенное в частном речевом акте, а именно в каждый раз конкретной кооперации говорящего и слушателя.

Поэтому хотя верно по себе (*an sich*) что у кошки четыре лапы, однако когда кошка Эмили потеряла одну лапу в результате несчастного случая, она не перестает быть кошкой. Однако если дело в количестве лап, то говорящий должен нас предупредить, в случае, если он знает об особых обстоятельствах, чтобы препятствовать возникновению у нас ожиданий, связанных с нормальным случаем. Поэтому если я обещаю подарить своей дочери кошку на рождество, то все говорит в пользу того, что эта кошка не будет плюшевой игрушкой.

VII. Синтетически-априорные истины становятся материально-понятийными формами вывода

Я именую формы умозаключения и выведения следствий «*материально-понятийными*» если они не имеют значение как просто дефиниционно-конвенциональные, как все формально-аналитические истины, но также если они не являются *просто лишь* «эмпирически случайными»⁶. Когда мы говорим об *эмпирической*

6. Тем самым ситуационной речью о *материально-эмпирических* высказываниях я определенным образом пытаюсь устранить двусмысленность (*dis-*

истине, то как правило здесь замешаны следующие два элемента. Во-первых, неправомерно предполагается, что вербально артикулированное различие, вместе с соответствующей материально-понятийной схемой, известно, освоено и по меньшей мере *prima facie* [нами] совместно признано допустимым. Во-вторых, говорится, что сопутствующие условия классификации выполнены достаточным образом в определенных конкретных ситуациях или для феноменально обнаруженных предметов. Например, то что одна реальная фигура или определенное относительное движение — *достаточно прямое или кругообразное*, так что могут быть выведены соответствующие материально-понятийные следствия (в определенных границах), всегда тем самым является эмпирической истиной (в модусе единичности). Напротив, материально-понятийные суждения о кругах и прямых линиях преобразуются в *идеально-понятийные* высказывания математической геометрии, когда мы с помощью предложений геометрии формально делаем умозаключения, например дедуктивно — и тем самым делаем предметом рассмотрения геометрические формы по себе.

Понятийное (*das Begriffliche*) или понятие — это всеобщая сущностная область материально-понятийной сети отличий, к артикуляциям которой присоединена система материально-понятийных валидных умозаключений, определяющей содержание слов и предложений. Яркий пример такого отличия представляет собой таксономия животных, к которой, как у Аристотеля, примыкает этология, описание нормального поведения, или же описание ее частей (в «О частях животных»). Понятийное каждый раз уже предположено в качестве содержания в особых артикуляциях единичного эмпирического опыта. Разумеется, для Гегеля (как позже для Куайна) дифференциация эмпирических и понятийных высказываний не является ни четкой, ни независимой от контекста, ни абсолютно ситуационно инвариантной. Она является в определенном смысле размытой, определенным образом подвижной, и должна быть каждый раз соотнесена с контекстом речи. Она остается зависимой от способности суждения, привязанной к ситуации в ее применении. В остальном одно предложение как таковое не позволяет увидеть, нужно ли его понимать и в модусе единичного, то есть эмпирического, или в модусе всеобщего, то есть генерически, или же чисто, тем самым идеальным

ambiguieren) употребления слова «материальный» у Уилфрида Селларса и Роберта Брэндома.

образом, то есть что оно использовано в соответствующем речевом акте.

Говоря конкретнее, верно следующее: *предложения* как лишь звуковые фигуры именно потому нечувствительны для различения между эмпирической категорией единичного и логически-генерической категорией всеобщего, что они инвариантны в отношении к речевой ситуации. Поэтому они всегда неким образом принадлежат к категории чистой идеальности по себе, к сфере отрешенной от реального мира речи о платонических идеях или чисто формально-математических предметах и структурах. Лишь *высказывания* как осуществления речевых актов, за которыми стоят личностные субъекты или говорящие, могут передать эмпирическую, особую информацию. Если они подразумеваются как комментарии к понятийным определениям содержания или как предложения для развития наших понятийных норм, то их не следует понимать как просто «утверждения».

Гегель защищает тезис, что понятийное, хотя и не является абсолютно независимым от опыта и вечным, тем не менее конститутивно для содержания, предметов и опыта. Это модифицированное кантианство. И это логический платонизм, который однако полностью пропитан опытом. Модификация состоит в том, что синтетические суждения *a priori* поняты в их двойной роли как *генерические истины опыта* и как *материально-понятийные пресуппозиции*. Следовательно, существуют не только лишь, как у Куяна, некие нечеткие случаи постоянства во взаимоотношении понятийного ядра и эмпирической периферии в энциклопедической сети знания, но также иерархически упорядоченные пресуппозиции в строении форм артикуляции знания и форм компетенции индивидуального и совместного действия, форм институциональных практик и жизни вообще. Именно эта тонкая структура пресуппозиционно-логических надстроек и условий смысла не была точнее проанализирована Куайном. Потому что это противоречило бы принятому Карнапом основному убеждению, что знание в его совокупности должно быть артикулировано в формальных теориях. Такого рода теории суть аксиоматические системы. Однако это допущение, которое состоит в (без-мысленном, *gedankenlos*) перенятии образца для подражания из математики, вводит в заблуждение. При этом в особенности упускается из виду логика применения связанных с речевыми актами генерически положенных истин для нормальных случаев, то есть диалектическое нашего реального использования понятий.

VIII. Материально-понятийное умозаключение (*Schluss*) есть положенное понятие (*der gesetzte Begriff*)

Но последнее [умозаключение] есть не что иное, как положенное (сначала формально), реальное понятие. <...> Умозаключение есть поэтому существенное основание всего истинного (ЭФН § 181A, GW 20 192).

Я прочитываю этот центральный тезис Гегеля так: в Мы-группе употребляющих понятия существ *положен* формальный и в то же время материально-понятийный вывод (*Schluss*), поскольку он неявно признан как генерическая норма допустимого умозаключения для нормального случая. В системе энциклопедического знания такие выводы артикулируются в предложениях и тем самым делаются явными (*explizit*). В этом смысле энциклопедия «дефинирует» систему материально-понятийных умозаключений. При этом необходимо обратить внимание на то, что предложения или суждения артикулируют правила или формы вывода даже тогда, когда они не принимают форму «если *p*, то *q*», но например в форме «*N* есть *P*». Это видно уже в простой перемене формулировки: «то, что зовется *N*, есть *P*». И наоборот, если мы эксплицируем формы умозаключений, то мы должны использовать предложения или суждения⁷.

Материально-понятийное умозаключение является поэтому сущностным основанием всего истинного, во-первых, потому что оно определяет содержание, и во-вторых, потому что наука стремится к (относительно) инвариантному знанию в модусе всеобщности. При этом мы в реально-понятийном смысле именуем таким образом то, что имеет статус (*gilt als*) знания в актуальной науке, в идеально-понятийном или абсолютном смысле напротив то, что имело бы статус истины в идеальной науке. Наука как автономная практика должна пониматься поэтому как проект реального определения или поиска устойчиво истинного, причем мы должны различать вместе с Гегелем между просто правильными эмпирическими высказываниями в модусе единичности и истинными генерическими высказываниями в категории всеобщности.

7. Cp.: *Stekeler-Weithofer P. Regellojik/Satzlogik // Historisches Wörterbuch der Philosophie / J. Ritter, K. Gründer (Hg.). Basel: Schwabe, 1992. Bd. 8. S. 465–473.*

Однако почему абсолют есть умозаключение, как лапидарно говорит Гегель? Потому что *транссубъективная* нормативная сила (*Geltung*) опирается на (*идеальную*) *систему отличий и умозаключений*. Примером может снова служить математическая геометрия. Каждый из нас должен, во-первых, достаточным образом быть знаком с системой материально-понятийных умозаключений или материально-понятийного знания в своем собственном мышлении, и во-вторых, *признавать абсолютной*, то есть *транссубъективно определяющей содержание*, если только он хочет мыслить разумно. Как тезис это определение проговаривается Гегелем следующим образом: «*все есть умозаключение. Все есть понятие*» (ЭФН § 181, GW 20 192).

Этот тезис представляет собой радикальный и неясный оракул, которое нужно правильно истолковать. Слишком часто мы путаем знание с только лишь субъективным познанием или эмпирическим сообщением. Поэтому следует различать индивидуальное познание (*cognition*), относящееся к единичному эмпирическому знанию (*knowledge*) и всеобщую науку (*science*), которая как таковая определяет понятия всеобщим образом, а не просто поведствует об эмпирически единичном.

В идеале знание есть вечное знание, что понял еще Парменид. Оно артикулирует истины, трансцендентные по отношению к субъекту и ситуации. Однако это происходит всегда в генерическом модусе. Это верно и для идеальных моделей. Материально-понятийные предложения, которые положены как действительные, артикулируют генерические умозаключения. Они при этом, как и все генерические предложения, не используются во всех правилах просто схематически, но применяются в особых случаях с помощью опытной способности суждения и на основании особого знания о единичном случае. Наука (*scientia*) в гегелевском радикально реалистическом, и вместе с тем имманентном смысле, есть поэтому всеобщая система понятийных или генерических содержательных определений по себе, и одновременно кооперативная институция совместного развития этого содержания для совместного использования.

Согласно этому рассуждению, Гегель распределяет вещи таким образом: с одной стороны находится наука, которая развивает понятийное. То есть она снабжает нас действительными на данный момент генерическими суждениями, что значит, действительными на данный момент генерическими умозаключениями или условными выводами для нормального случая, или по меньшей мере ожиданиями связанными с идеальным случа-

ем, которые каждый раз нужно приспособлять для конкретных эмпирических обстоятельств. С другой стороны находится индивидуальное познание и каждый раз особая, каждый раз направленная прежде всего на единичное эмпирия, которая всегда уже оформлена и тем самым пред-оформлена. Мы расширяем или изменяем «эпистему», действительное знание, тем, что мы добавляем или заменяем выходящие за рамки ситуации генерические предложения. Тем самым мы расширяем или изменяем понятие, систему генерических умозаключений, систему нормативной критики правильной дифференциации и умозаключения. Наука это работа над понятием. Человеческий дух есть в сущности дух науки. Логика это знание о формах этой работы и ее применения, например, при передаче эмпирической информации. Любая (*eine*) наука логики есть смысло-критическая, и поэтому диалектическая артикуляция основных категорий логической рефлексии.

Как и вода есть среда (*ein Medium*) для химической реакции веществ, так и *понятийно оформленный язык*, согласно Гегелю, является средой понимания, как при взаимодействии между различными персонами при различении, суждении, информировании, умозаключении так и в индивидуальном мышлении⁸.

IX. Суждение есть понятие в его особенности как применение к единичному

Когда говорится, что *X* подпадает под понятие *B*, то это значит не только то, что мы приписываем слово или сложное выражение, которым мы артикулируем понятие по себе, тому, о чем мы выносим суждение. Это значит также, что принадлежащая слову и понятию инференциальная сеть в смысле, который каждый раз нужно модифицировать для конкретного случая, *подходит* к случаю, о корытом мы выносим суждение. Другими словами, само понятие содержит форму его корректного применения в выносящем суждении различении и в соответствующем всеобщем, заранее артикулированном и определенном выведении следствий.

8. Ср. НЛ III 278–280; GW 12 229. Распространенное представление приводит к заблуждению, по которому на одной стороне стоят пустые слова и чисто произвольно установленные вербальные дефиниции, на другой — мир объективных предметов или также реального опыта в смысле каждый раз действительного восприятия или мира ощущений.

Тот кто выносит суждение, говорит, что понятие, которое он соотносит с тем, о чем выносит суждение, может быть высказано о нем в следующем смысле. *Релевантные умозаключения*, которые определяют понятие по себе, в его всеобщности, и понятие для себя, в его конкретном и поэтому всегда особом применении, утверждаются как валидные и надежные. Это значит, что выносящий суждение принимает на себя *обусловленное обязательство в том, что его ориентации правильны*. В контрольном дискурсе, относящемся ко всем случаям, ему нужно показать, что его *Commitments* [обязательства] *оправданны*. Это значит, что он должен [быть в состоянии] в определенных обстоятельствах обосновать, что или почему он может выносить такие суждения, или что и почему умозаключения, которые он в своем суждении объявляет общеобязательными, в самом деле действительны, то есть надежны. Но также и в случае, когда дело не доходит до контролирующего дискурса, в котором появляются обоснования, выносящий суждение принимает на себя обязательство о надежности его суждения, то есть, о связанных с ним понятийно выводах. Он делает это эмпрактически, неявно, а в частности как в эксплицитно артикулированном суждении информативного высказывания, так и в безмолвной речи с самим собой. В первом случае он ручается за то, что слушающий может положиться на (как правило совместные, то есть в принципе обоим известные или обоими установленные) материально-понятийные нормальные следствия этого суждения. Во втором случае он ручается за то, что он сам может положиться на себя. В обоих случаях акт суждения есть много большее, чем просто классификация. На основании материально-понятийных [паттернов] выведений следствий, которые предположены как известные или надежные, всякий акт суждения является совместным или индивидуальным ориентированием-в-мире. При этом имеет силу принцип: *nobody is perfect*. Поэтому всегда могут существовать проблемы взаимопонимания или при контроле «правильности» высказанного. Взаимодействие может не состояться.

Так как в особенности все материально-понятийные умозаключения более или менее постоянно сдвигаются на основании прогресса контроля всеобщей надежности соответствующих понятийных ориентаций или иногда продвигаются медленно или отступают назад, следует всегда отличать развитие (*per definitionem*: всеобщего) понятия или (точно также *per definitionem*: генерической науки) с одной стороны, и расширения материально-эмпирических сведений одного индивида или коллектива с дру-

гой стороны. Это значит, что существует развитие канонических или генерических форм суждения и вывода, которые принадлежат к понятию вообще. Это есть *развитие понятия*. Наряду с этим существует развитие просто сведений. Соответственно, Гегель различает между развитием всеобщих понятийных рамок и развитием единичного и особенного эмпирического содержания. Последнее зависит от первого. Поскольку эмпирическое содержание, как уже было кратко указано выше, имеет как правило дейктическую отсылку к Здесь и Там, Сейчас и Тогда. В то же время оно содержит понятийные суждения: нечто может быть усмотрено, испытано или стать содержанием суждения как такое или иное.

Разумеется, отличие между эмпирическим высказыванием и понятийным суждением, между относящимися к единичному или всеобщему или генерическому предложениями, не является четко определенным. В этом, согласно моему пониманию, сошлись бы Гегель и Куайн. Однако в то время как Куайн заявляет, что все является эмпирией, Гегель по видимости заявляет, что все есть понятие. Не есть ли это две полностью противоположных крайности, которые, как крайности, обе являются ложными?

Для Гегеля, знание не суживается до истинного и по обстоятельствам каким-то образом обоснованного убеждения (как это имеет место у Юма и следующих за ним эмпиристов), также оно не есть некоего рода усредненная вера. Оно также не является коллективным собранием единичного эмпирического «опыта». Оно, как выходящее за рамки ситуации знание, является энциклопедической системой, как я это охотно именую. Субъективное продвижение вперед эмпирического опыта зависит от этой системы. Она предполагает участие в общем проекте развития всеобщего умения, артикуляции и контроля знания, а также овладение соответствующими особыми компетенциями. В *слишком* плоском понимании науки, которое рассматривает ее как системоид аксиоматических теорий, методическое упорядочивание умения и знания совершенно не может быть артикулировано уместным образом. (Разумное) развитие всеобщего знания имеет кроме того иную форму, нежели только лишь расширение индивидуальных эмпирических сведений. В первом случае речь идет о развитии «Понятия» в смысле генерической, энциклопедической системы всеобщих материально-понятийных выводов. Они образуют понятийную рамку совместного языкового понимания. Напротив, у Юма или в современных эмпирических

и психологических когнитивных теориях в центре внимания стоит лишь развитие индивидуального познания и сведений. Гегель, напротив, распознает понятийное, всеобщее и генерическое как пресуппозиционно-логическую предпосылку эмпирического знания единичного. Особенно интересна при этом его философия *истории*, в противоположность рассказу только лишь хроник, анекдотов. История есть уже структурно-теоретическое представление культурного и общественного развития, то есть она по характеру системная, а не история единичных событий.

Впрочем, вопрос чем является материально-понятийная истина или материально-понятийная форма умозаключения нигде не становится настолько ясным как в отрицательном случае парадокса, когда ожидание, связанное с наступлением нормального случая разочаровано, и мы достигаем границы ориентации по нормальному случаю. Парадокс, как уже гласит слово *paradoxa*, находится рядом с общим местом. Общие места определяют область «канонических» нормальных следствий. Такого рода нормальные следствия часто существуют на основании кругозора, предположенного как известный, в некоторой области созерцания. Материально-понятийные умозаключения суть канонические нормальные следствия. Их существование и нормативная значимость бросаются в глаза именно в случае наступления парадокса.

Особенно в контексте употребления аналогических форм представления мы используем неформальные нормальные следования в материальном умозаключении. Мы движемся внутри основанного на созерцании прообраза или модели и предпосылаем определенные канонические проекции в некую образную область. При этом всегда может случиться, что мы *неожиданно* натолкнемся на структурные различия между прообразом или первичным предметом (Макс Блэк) и упорядоченной через проекцию областью, которую касается вторичный предмет. Тем самым мы наталкиваемся на границы условий применения образов по аналогии.

Х. Идея есть адекватное понятие

В реальном процессе вынесения суждения и умозаключения, мы всегда говорим об истинном формально, отвлекаясь от «ошибок», всегда возможных по системным основаниям, или «неправильностей» суждения. Такого рода ошибки естественно могут случаться

уже на уровне подведения единичного случая под понятие. В реальном случае следует всегда обращать внимание на такого рода возможные ошибки или неправильности. Это истина фаллибилизма, так называемое *defeasibility* выводов по умолчанию и ожиданий для нормального случая. Поэтому как и в случае уместного понимания аналогии, нам в особенности нужно *уместным образом выбрать*, так же как и слушателю или читателю, *релевантные формы умозаклучения* из совокупного понятия (*Gesamtbegriff*) как системы материально-понятийных суждений и умозаклучений⁹. Это в частности означает, что говорящий или автор не несут полную ответственность за ошибочное понимание читателя или слушателя. Понимание это кооперативный процесс — в случае письменных текстов даже сквозь время.

Гегелевское слово «идея» есть тогда ни что иное как название для системы хороших форм праксиса, включающих формы оценки генерических суждений как правильных или истинных для нашего ориентирования. Идея тем самым есть хорошая форма осуществления генерической нормативности (*Geltung*), как в теоретическом знании, так и в совместной деятельности. Поэтому идея в сущности есть то же самое что и личная форма жизни человека.

XI. Рассудочные умозаклучения есть применение правилообразных схем, сформулированных в форме предложений

Рассудочные умозаклучения есть схематические применения сформулированных в форме предложений правил. Формально-аналитическая философия обсуждает как правило именно такие рассудочные умозаклучения.

Выражение «механизм» у Гегеля обозначает схему попытки представления целого мира. Речь идет о попытке разложения целого мира в самодвижущиеся вещные предметы, причем индивиды как таковые всегда определены в их идентичности лишь в определенном времени. Затем они распадаются на телесные составные части, вещества, так что химизм веществ (или *mass-terms* [термины для неисчисляемых предметов. — Прим. пер.]) представляет собой необходимое дополнение для «механических» форм

9. К этому ср. размышления в: *Stekeler-Weithofer P. Analogie als semantisches Prinzip // Analytomen 2. Perspektiven der Analytischen Philosophie / G. Meggle, J. Nida-Rümelin (Hg.). B.; N.Y.: de Gruyter, 1997. S. 262–289.*

речи. Мысль о тотальном описании мира в форме неизменных во времени (поэтому вечных) законов движения для атомарных частиц, как мы знаем их из картезианско-ньютоновской динамики, вводит в заблуждение. Лейбниц в своей монадологии добавляет еще одну мысль, что частицы всегда также имеют внутреннюю перспективу и определенную перформативную силу и поэтому их следует понимать как «монады», с точки зрения которых мир каждый раз является разным, поскольку каждая монада аффицирована внешним миром различным друг от друга образом. Каждая монада реагирует также на окружающий мир. Тем самым Лейбниц встраивает в «монады» эпистемический и перформативный уровень, от восприятия до познания, например от реакции термостата до планирующего действия человека. Возникает тотальный метафизический образ мира, который однако все еще в сущности является «механизмом» в смысле Гегеля (GW 12 203 ff., НЛ III 247 слл.) и который поэтому должен быть соответствующим образом подвергнут критике.

В способе рассмотрения химизма мы признаем, что тождество вещных предметов всегда также определено в рамках других процессов. Формула Гегеля гласит: «Химизм составляет во всей объективности в целом момент суждения» (GW 12 226, НЛ III 177).

Здесь учитывается факт строения вещей из вещественных составных частиц вместе с эпохальным способом существования вещей, которые каждый раз существуют лишь некоторое время, а именно на время их идентифицируемости. Что однако значит, когда Гегель говорит, что «объективное свободное понятие есть цель» (*Zweck*) (GW 12 235, НЛ III 184) и далее: «Отношение цели есть... больше чем суждение, оно, *умозаключение* самостоятельного, свободного понятия, связывающего себя с самим собой через объективность» (GW 12 244, НЛ III 191–192)?

Суждения, которые мы выносим в модусе механизма и химизма, суть целеориентированные суждения. Мы полагаем «механические» причинные отношения в соответствии с тем, что мы можем изготовить в репродуцируемых процессах движения и того, что может воспроизводиться естественно, без нашего участия в типичных процессах движения. В химизме мы полагаем законы для процессов преобразования вещества. Также это происходит в практическом действии и предсказании с перспективой на инструментальное достижение целей. Понятие при этом свободно, поскольку критерии его всеобщего исполнения и его исполнение относительно свободно полагаются и контро-

лируются нами — и в частности как с учетом возможных эмпирических единичных случаев, так и во всеобщих возможностях артикуляции.

Далее, в области изображения жизни, в особенности животной жизни, требуется признание телеологических процессов. Они направлены на ожидаемый конец (*Ende*). В этом смысле они определены через возможную цель. В действительности телеологические процессы определены временно и модально. Они длятся в настоящем, пока не достигнуто их завершение. Понятие конца (*Ende*) и понятие цели (*Zweck*) совпадают в той степени, в которой каждое завершение процесса может быть положено как результат (*Ziel*) действия и тем самым предназначение (*Zweck*) в действии, *насколько* процесс может быть начат нами произвольно. Важно, что эта телеология не просто приписана нами. Она является действительная в бытии-для-себя животных и людей.

XII. Умозаключения разума есть обоснования (рекомендаций) материально-понятийных правил

В заключение размышлений Гегеля находится умозаключение свободного понятия. Оно есть умозаключение к лучшему объяснению, в котором снимается всеобщие проблемы совместного употребления наших понятийных систем. При этом *единичные* проблемы не могут обсуждаться. Поэтому всегда важно знать, что *случайность* (*Zufall*) единичного никогда не включена полностью в наше генерическое знание. Умозаключение разума это диалектическое или абдуктивное умозаключение, полностью в смысле Чарльза Сандерса Пирса, позднее проанализированного как «абдукция» вывода к лучшему объяснению на реальном рынке возможных объяснений. То есть не в смысле высказывания о существовании обо «всех возможных» будущих или фиктивных объяснениях. Умозаключение разума не утопично, но исторически конкретно. Задача, которую необходимо выполнить, состоит при этом всегда в том, чтобы снять особенные проблемы, также всеобщие парадоксы и другие возникающие проблемы ориентации в употреблении существующих до сих пор энциклопедических и генерических систем знания. Это происходит порой после долгих дебатов в каноническом признании новых понятийных установлений как всеобщих ориентаций в дифференциации и при выводе. Именно в этом состоит до сих пор едва ли понятое содержание гегелевского слова «диалектика».

Библиография

- Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1972.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974.
- Hegel G. W. F. Gesammelte Werke. Hamburg: Meiner, 1968–.
- Stekeler-Weithofer P. Analogie als semantisches Prinzip // *Analyomen 2. Perspektiven der Analytischen Philosophie* / G. Meggle, J. Nida-Rümelin (Hg.). B.; N.Y.: de Gruyter, 1997. S. 262–289.
- Stekeler-Weithofer P. Hegels Logik als materialbegriffliche Strukturtheorie der Bedeutung // *Hegel — 200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung “200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik”*, Weimar, 26–29 September 2012 / A. F. Koch, F. Schick, K. Vieweg, C. Wirsing (Hg.). Hamburg: Meiner, 2014. S. 339–357.
- Stekeler-Weithofer P. *Regellogik/Satzlogik* // *Historisches Wörterbuch der Philosophie* / J. Ritter, K. Gründer (Hg.). Basel: Schwabe, 1992. Bd. 8. S. 465–473.

HEGEL'S LOGIC AS A THEORY OF MEANING: MATERIAL-CONCEPTUAL AND STRUCTURAL ASPECTS

PIRMIN STEKELER-WEITHOFER. Leipzig University, Germany,
stekeler@uni-leipzig.de.

Keywords: G. W. F. Hegel; *Science of Logic*; metaphysics; speech acts; conceptual content; conceptual scheme; material-conceptual inference; absolute idea.

The paper analyzes main logical categories in Hegel's *Logic* from the standpoint of contemporary formal logic and analytic philosophy of language. Hegel is taken as a radical critical philosopher in Kantian sense, who develops Kantian critical philosophy. Hegel's *Logic* is portrayed as metaphysics and semantics, for it provides a profound analysis of logical form of main categories and the logical structure of local speech domains. The author considers subjectivity of judgements, constitution of sortal domains and an inferentialist account of predicates within logical universe of discourse. Speech acts are always singular acts that are performed and articulated by speakers. The content of a judgement is constituted due to the intricate genus-species difference system, which is expressed by the concepts of infinite negation and determinate negation. Some speech acts require knowledge not only of generic properties that are inherent to genus of a subject matter, but also contentful determination of difference of the particular individuals in question. Sense of predicates is determined within an inferential system of sentences and their relations of inference and contradiction. The form of inference is defined solely syntactically or logically, however for any particular case is required contentful knowledge, which is based on pre-knowledge and power of judgement. The system of science is a network of material-conceptual truths taken as synthetic judgements a priori. Hegelian concept of "idea" signifies adequate theoretical and shared practical forms that include the ways of evaluation of generic judgements as correct or true ones, which should serve to our orientation in the world. Hence the idea is essentially the same as the personal form of human life.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-2-39-67